

Всё вокруг — небо, облака, горы, горизонт... всё, что я только видел, было окрашено в золотисто-желтый и мареновые цвета. Это был очень красивый пейзаж. И несмотря на теплые тона... по непонятной причине я чувствовал одиночество и холодок в груди. Возможно, потому что эти цвета отмечали конец дня. Также они извещали о расставании. Прощании до завтра или на долгое время. А иногда... цветом последнего прощания.

Я открыл окно кареты, оперся о рукой о нижнюю перекладину рамы, высунулся наружу и оглянулся. Думаю, сегодня все уже отправились по домам. Деревенских вокруг уже не было видать. Это был очень тихий, слишком тихий, закат. Даже если напрячь слух, максимум что можно было услышать — это тихий шелест деревьев и стрекот насекомых.

Карета свернула на дорогу, бегущую по склону горы и ведущую к саду лекарственных трав у западного леса. Спустил какое-то время быстрой езды...

С вершины извилистой дороги было хорошо видно выделяющегося даже с такого расстояния... медленно идущего белокурого парня. Когда мы подъехали ближе, стало заметно, что его одежда, руки и лицо были все в земле и пыли. И в грязных руках... он бережно нёс белый сверток. Очень, очень аккуратно, совсем как сокровище. Предмет, тщательно завернутый в белую ткань, был не настолько большим, чтобы его приходилось нести обеими руками.

Парень, возможно, заметил карету, но даже не поднял лица... просто продолжал идти, уставившись на этот белый сверток. Похоже, Шурио тоже разглядел, что за юноша шёл по дороге. Он посмотрел на меня сквозь окошко, ведущее к месту кучера, с удивленным выражением на лице. Я кивнул ему, подтверждая, что вижу то же самое, что и он.

— Шурио... Останови карету.

— Хе-хей...

Когда карета остановилась, я открыл дверь и вышел.

— Альфред!..

Когда его позвали по имени, блондин медленно поднял взгляд. В глазах, которые обычно имели небесно-голубой цвет, сейчас смешались оттенки дня и ночи, очень неоднозначный цвет. Выражение лица стало нечитаемым, я вообще не мог понять, о чём тот думал и что чувствовал. Как прежний Альфред. Парень подошел ко мне и покорно остановился.

Я улыбнулся обычной улыбкой, и заговорил в обычном тоне.

Нужно вести себя, как всегда. Сделать вид, что я ничего не знаю.

Как всегда... врать и актерствовать.

— Альфред... Ты сейчас случайно не возвращаешься? Тогда я могу тебя подвезти.

Тот посмотрел на меня... и молча покачал головой. Хоть мне и отказали, я не сдался и, не теряя привычной улыбки, снова предложил ему сесть в экипаж.

Я знал, что это всего лишь моё эго. Знал. Это эгоистичный и себялюбивый порыв, я просто хотел отвлечься от чувства собственной вины. Но... Но всё же...

— Ни к чему стесняться... Всё нормально. Давай, залезай...

Я широко открыл перед Альфредом дверцу кареты и приглашающим жестом предложил тому сесть. Тем не менее, парень не двинулся с места, даже не пытаясь забраться внутрь. Я подумал, что у меня не остается иного выбора, кроме как подтолкнуть его и насильно усадить в карету. Когда я протянул руку...

Глаза оттенка сумерек тихо закрылись, а губы приоткрылись.

— Мы ведь не сможем взять с собой мертвеца, не так ли?.. — очень тихо проворчал он.

Мертвец... Я посмотрел на белый сверток в ладонях Альфреда. На вещь, которую он держал в перепачканных руках. По внешнему виду было невозможно понять, что это такое. Однако... Вероятнее всего, «мертвецом»... он назвал то, что находилось в этом свертке. Потому что он держал это, как нечто... драгоценное, желая защитить. Прижимал к себе так, словно обнимал. Но этот сверток был слишком мал для трупа. Если бы я спросил, он, наверное, ответил бы, но... я не спрашивал. Я знал, что ему будет тяжело отвечать на этот вопрос. Я... я ведь всё это время знал, «кто» это был.

Поджав губы, которые начинали дрожать, стоило только немного расслабиться, я оторвал взгляд от белой ткани. Затем поднял взгляд на Альфреда и, улыбнувшись, мягко покачал головой.

— Я не против.

У блондина перехватило дыхание, и он широко раскрыл глаза. Ошеломлен. Ну, это ожидаемо. Подобное отношение совсем не соответствовало выходцу из высших слоев общества, каким был Лиан. Я собирался посадить в свою карету, рядом с собой, грязного и оборванного человека, находящегося значительно ниже по социальному положению, к тому же ещё и с мертвецом, к которому я не имел никакого отношения. Я, хоть и не вырос здесь, прожил достаточно долго, чтобы понять, что в мире Аркадии существовало подобное классовое мышление.

Чтобы понять, что я поступал сейчас очевидно неправильно. Возможно, даже слишком, настолько, что это может показаться подозрительным. Я это понимал. Даже я прекрасно это понимал. Но, тем не менее... сегодня было исключением.

— Нет, но...

— И долго ты собирался идти пешком? Солнце уже заходит. В экипаже-то ехать быстрее. Ты хотел попасть на ферму? Или... в церковь?

Альфред выглядел смущенным, тихо ответив:

— В... церковь...

— Понял. В церковь. Давай, быстрее, забирайся.

Я положил руку на спину блондину и подтолкнул его к карете. Он обернулся на меня с непривычно растерянным выражением лица.

— По-подожди, Лиан. Я весь в грязи...

— Это ерунда. Потом просто почистим.

Я с силой втолкнул здоровенное тело своего собеседника в карету и закрыл за собой дверцу.

— Шурио!

— Хе-хей?!

— Трогай. Пункт назначения... церковь.

— А?! В-вы уверены? А сад...

— Уверен. В сад мы всегда успеем...

— Хей...

Шурио с улыбкой кивнул, после чего натянул поводья и развернул лошадь. В ту сторону, откуда мы и приехали.

Альфред всё ещё стоял, даже когда экипаж тронулся. Беспокойно сдвинув брови.

— Эй... не стой, сядь уже.

Я легонько надавил ему на плечи, понуждая сесть, и сам уселся на сиденье напротив.

До самого приезда в церковь блондин не сказал ни слова. Словно воды в рот набрал. Ни словом со мной не перемолвился, даже взгляда не поднял... просто смотрел на белый сверток на своих коленях. Я тоже не мог ни подобрать подходящих слов, ни смотреть на него, поэтому всё время глазел в окно. Солнце уже примерно на треть скрылось за краем западных гор, и я даже не успел заметить, как по, прежде алой, восточной стороне неба начали медленно расплываться ночные цвета, такие как пурпур и индиго.

Когда карета остановилась у церкви, Альфред, по-прежнему ничего не говоря, поклонился мне, а затем спустился и направился прямо к часовне. Я велел Шурио подождать у кареты, а сам пошёл следом за парнем. Когда я зашел в маленькую часовенку, сквозь вертикальные решетчатые окна по левую и правую руку лился затухающий оранжевый свет заходящего солнца. На расположенных в десять рядов пятиместных скамьях не было ни одного молящегося. В тихой часовне была только маленькая пожилая монахиня, которая зажигала свечи у алтаря.

Заметив нас, она подняла голову и повернулась в нашу сторону. Маленькие глазки при взгляде на меня удивленно расширились, а, увидев идущего рядом блондина, распахнулись ещё больше. Затем она озадаченно наклонила голову и улыбнулась румяными щеками, отчего в уголках глаз появились морщинки.

— Ох, разве это не Ал с господином Лианом? Здесь, да в такое время... что-то случилось? Оу?..

Мари подошла и встала перед блондином, нахмурившись и тревожно глядя.

— Ал?.. Что случилось? Ты так испачкался...

Альфред не ответил на вопрос Мари, снова опустив взгляд на белый сверток. Он тихо вздохнул, затем закрыл глаза и открыл их... посмотрев на монахиню.

— Мари...

— Да?

— Простите, в такое время... могу я попросить о похоронах и погребальной молитве?

Парень осторожно обеими руками поднял сверток, чтобы Мари могла его рассмотреть. Мари внимательно посмотрела на белый сверток, потом перевела вопросительный взгляд на блондина. Думаю, то, что Мари была в замешательстве, вовсе не удивительно. Хотя он и попросил провести похороны, но этот сверток был слишком, слишком мал. Даже если он называл сверток мертвецом, это вызывало сомнения.

Альфред устало вздохнул.

— Это всё, что осталось... Прошло слишком много времени с тех пор... Теперь это просто кости...

— Вот как...

Мари больше не удивлялась, просто кивнула в ответ и, сложив вместе маленькие ладошки, помолилась над белым свертком. Закончив молиться, она медленно открыла глаза и нежно улыбнулась блондину, как обычно краснея щеками.

— Я поняла, Ал... Давай позаботимся о нём. Тогда... не мог бы ты... назвать мне имя усопшего?

Когда Мари задала вопрос, Альфред опустил голову и сжал губы, крепко зажмурил глаза, будто борясь с чем-то, а потом медленно открыл их. Посмотрел на Мари сумеречного цвета глазами.

— Сани Фрам...

Услышав имя, Мари широко раскрыла небольшие глаза. «Фрам» — редкая фамилия. В этой деревне ее носил только Альфред. Если у этого человека была та же фамилия... Блондин заговорил прежде, чем монахиня успела об этом спросить.

— Это мой отец... Я нашёл и откопал кости, какие мог... Но, возможно, не всё. Это не станет проблемой?..

У Мари задрожал взгляд, она открыла и закрыла рот, а потом тихо кивнула. И, чтобы подбодрить воспитанника, мягко улыбнулась.

— Нет... Нет, всё будет хорошо. Тело — это сосуд души, оно подобно лодке, пересекающей мир... Возносят благодарственную молитву за то, что этот сосуд был послан и сослужил свою службу.

Мари встала перед нами и вышла, сказав, что нам нужно похоронить его, пока солнце ещё светило.

Поднявшись на холм за церковью, мы нашли пологое место. Здесь располагалось кладбище... в хорошем месте с видом на всю деревню, где покоилось множество селян. Альфред выбрал поросшее зелёной травой местечко, с самым лучшим обзором на село, к которому вела поднимающаяся между могилами тропа. Я спросил блондина, начавшего копать землю большей лопатой, могу ли я ему помочь, но тот отказался. Сказал, что хочет сделать всё сам. Мы с Мари решили подождать рядом и собрать цветы, чтобы положить на могилу.

— Я нашел его в глубине западного леса...

В выкопанную яму Альфред положил белый сверток и собранные нами с Мари цветы, затем снова засыпал землёй и, утрамбовывая почву лопатой, начал рассказ обрывистыми фразами.

— У бабули Хельбы сбежал козленок с мамкой. Далеко в лес... в погоне за ними я забрался очень глубоко в лес... И там была маленькая река и большое дерево...

Я прикрыл глаза, воспоминание о том пейзаже пронеслось в голове. Если эти события следовали сюжету «Аркадии», известному мне, то я... знал об этом месте. Верно. Знал. Давно. С самого начала.

В том лесу, далеко в чаще, где редко бывали люди... отец Альфреда лежал там... и всё это время ждал, пока его кто-нибудь найдёт. Я знал об этом... но продолжал делать вид, что я не в курсе и не имею об этом ни малейшего понятия. Даже сейчас. Я думал, что не должен менять ход истории. Если изменилась бы основная история, если события стали бы развиваться по неизвестному мне сценарию... Если при изменении хода истории я бы больше не знал, что и когда произойдёт... Я бы не смог придумать никакого плана обороны.

С катастрофой в тот день невозможно справиться в последний момент. Без долгосрочного надёжного плана ничего попросту не получится. Потому что я самый обычный человек... вроде моба. У меня не было божественного благословения, я был рядовым соперником, которому не положена сверхъестественная удача, и никакими особыми силами меня не наделили. Поэтому, если я хотел что-то сделать, то должен был тщательно всё обдумать и приложить усилия. К тому же... если я изменил бы историю, Альфред... герой мог бы узнать то, чего знать не должен, тогда, когда знать не должен... то это могло бы ускорить наступление более поздних событий. В самом худшем случае... была вероятность, что день катастрофы, когда монстры нападут на деревню, наступит раньше.

Подумав об этом, я... ужасно встревожился. Что, если так и будет? Если этот день, когда многие потеряют жизни, наступит раньше времени. Это пугало. Я знал, что это только моё предположение, ничем не обоснованное. Возможно, маленькое изменение не повлияет на историю так сильно, как я боюсь. Однако... и уверенности в этом тоже не было. Я не узнаю, что произойдёт... пока не наступит этот момент. Так что... я решил, что буду держать все в секрете... буду молчать. До наступления того дня.

Просто следовать той истории, которую я знал... Не изменяя ничего... Пока Альфред сам всё не узнает, до тех пор я буду молчать. Я так решил. Хотя отцу Альфреда пришлось долго, невообразимо долго ждать в одиночестве... я решил притворяться, что мне ничего об этом не известно. Притворяться, несмотря на то, что Альфред так долго, невыносимо долго страдал, думая, что отец бросил его семью. Притворяться, что я ни о чём не знал.

Как обычно... я решил солгать.

Повторял себе, что это необходимая ложь, что иначе не сохранить историю неизменной. Я

много чего знал, но держал рот на замке и никому не рассказывал. На самом деле я трус, слабак и ужасный врун, жестокий к тому же. Поэтому... я не заслуживал, чтобы Альфред меня любил... с самого начала.

— В чаще леса, в глубине, у корней большого дерева... Он лежал там. Наполовину закопанный...

— Вот как...

Мари преклонила колени перед утрамбованной почвой, сложив руки у груди и закрыв глаза.

— На остатках куртки была дыра, как от удара мечом... много дыр. Папа работал перевозчиком, доставляя вещи в разные места... Может быть, по дороге... на него напали грабители... или кто-то ещё.

— Ясно...

Верно... По дороге... далеко на восток, к месту доставки. Преследуемый несколькими бандитами, он продолжал бежать... и бежать... в простирившийся перед его глазами лес. Доставки за пределы страны всегда были довольно прибыльны, но при этом опасны... соседствовали со смертью. Чем не стандартнее ситуация, тем выше вероятность того, что на вас обрушится несчастье. И, к сожалению, папа Альфреда... попал в категорию тех, против кого сложились обстоятельства.

— На другой стороне маленькой реки... в месте, расположенном глубоко в лесу... папа обронил свой набор дорожных инструментов. Он добежал так далеко... уже будучи раненым. Но, в конце концов... видать, силы всё же покинули его.

Альфред продолжал говорить, устанавливая над погребальным холмиком крест из белого дерева. До ужаса будничным тоном. Я не мог понять, о чём он думал и что чувствовал, потому что сейчас его вид не выражал никаких эмоций, как в старые времена. Даже не разобрать, грустно ли ему, или он злился.

— Я подумал, что это не мой отец, а другой перевозчик... но это всё-таки отец, без сомнений. На внутренней стороне куртки был пришит талисман, который сделали мы с мамой, а на безымянном пальце... было кольцо, такое же, как у моей матери.

— Вот как...

Я положил на холмик осенние полевые цветы, которые сорвал, и встал рядом с блондином.

— В таком месте... папа был так близко. А я совсем не замечал.

Я ничего не мог ответить на эти тихие, похожие на признание, слова. Мари зажгла и поставила рядом с собой принесенную курильницу и, сложив руки у груди, начала читать молитву об упокоении духа. Мягким, нежным голосом. Пока Мари не закончила, Альфред тоже держал глаза закрытыми. К концу молитвы солнце совсем зашло, звёзды рассыпались по темному ночному небу, и взошел полумесяц. Мари остановила Альфреда, собиравшегося уйти, сказав, что если он сейчас вернётся домой, супруги Чедда будут очень удивлены и обеспокоены тем, что он вернулся так поздно и весь в грязи, и предложила ему остаться на ночь. Блондин выглядел задумавшимся, пока она говорила, но, оглядев себя с ног до головы, понял, что монахиня права, и, согласившись с её словами, решил остаться на ночь в церкви, а вернуться завтра утром.

Я не надолго отошёл к экипажу, ждавшему у ворот.

— Шурио...

— Дья!

Когда я позвал его, похоже, дремавший на козлах кучер подскочил.

— Ах, молодой господин! Пора ехать?

— Нет... Я сегодня тоже останусь ночевать в церкви. Вернёшься за мной завтра?

Слишком тревожно... оставлять Альфреда одного в таком состоянии. Ведь, в конце концов, он так и не заплакал. Даже наоборот... оставался бесстрастным, будто растерял все эмоции. Словно вернувшись в старые времена.

Шурио посмотрел на меня и улыбнулся.

Что за понимающая и поддерживающая улыбка?

— Я понял... Обязательно расскажу обо всем господину дворецкому. Можете на меня рассчитывать, молодой господин. Отдохните, как следует.

— Спасибо, Шурио. На тебя всегда можно положиться...

Шурио покраснел и сконфуженно замахал руками.

— Н-нет-нет, э-это во-вовсе не стоит благодарности!.. Т-тогда передайте своему д-другу мои наилучшие пожелания. Пусть он сегодня тоже отдыхает!

— Ага. Я передам.

— Но! Что ж, я возвращаюсь в особняк. Спокойной ночи, молодой господин.

— Спокойной ночи, Шурио. Будь осторожен, уже стемнело.

— Так точно!

Шурио улыбнулся и, махнув рукой, уехал.

Я остался в гостевой комнате, и Альфред тоже... остался в гостевой комнате. Его комнату к этому времени уже занял один из подросших детей. На втором этаже располагались три гостевых комнаты, идущие одна за одной. На выходе из ванной я столкнулся с Мари, покидавшей из столовой с подносом в руках. Похоже, она приготовила горячее молоко для нас с Альфредом и собиралась его отнести. Я поблагодарил её и, раз уж всё равно шёл на второй этаж, вызвался отнести и свою, и порцию Альфреда тоже. Она улыбнулась и передала поднос мне. Когда я его взял, она посмотрела на меня и почему-то слабо кивнула. На яблочных щеках появились маленькие ямочки от слабой улыбки.

Я прошёл мимо приготовленной для меня комнаты и остановился у двери соседней, дважды постучав. Я немного подождал, прислушиваясь, но никакой реакции не последовало. Мне ничего не оставалось, кроме как снова постучать. В этот раз мне ответили коротким «да». Каким-то приглушённым голосом. И на этом всё, дальше опять установилась тишина. Поэтому я решил войти в комнату без разрешения, всё равно в церкви комнаты не запирались.

Внутри горела настольная лампа, освещавшая примерно половину помещения. Герой, переодевшийся в пижаму, сидел на кровати с полотенцем на шее. Повернувшись к окну с непонятным выражением на лице.

Я поднёс поднос с дымящейся кружкой к глазам Альфреда.

— Альфред... Будешь пить? Это госпожа Мари приготовила. Горячее молоко, очень вкусное.

Блондин только бросил взгляд и тут же покачал головой... снова отворачиваясь к окну. Я проследил за направлением его взгляда. За окном, под тёмно-синим ночным небом, неясным тёмным силуэтом... виднелся небольшой холм. Холм, где упокоился господин Сани... Я тихонько вздохнул и поставил поднос на стол.

Неужели я ошибся?.. Всё-таки мне нужно было раньше рассказать ему?

Что отец очень долго ждал Альфреда... в глубине западного леса. В глухой лесной глуши, куда редко заходили люди. Совсем один.

— Прости... Альфред...

Наверное, мне стоило сказать? Наверное, я ошибался? Однажды ты решишь, правильно это было или нет. Когда это произойдёт, я... наверное, больше не услышу, как ты называешь меня по имени. Герой, который продолжал смотреть на холм, наконец перевёл взгляд на меня и с любопытством наклонил голову.

— Почему ты извиняешься?..

Потому что... я ужасно поступил. Я не смог нацепить улыбку, не хотел, чтобы он видел моё лицо, поэтому обнял блондина, прижав его голову к своей груди. Когда я погладил немного жесткие золотистые пряди, Альфред, словно ребёнок, потёрся о меня щекой, медленно обвив большими руками мои бедра.

— Знаешь, папа...

Парень начал прерывисто говорить.

— Далеко на востоке... есть «страна мечты»... он там бывал. Мы копили деньги и собирались поехать туда все вместе — мама, папа и я. Так он говорил...

— Правда?..

Герой кивнул.

— Да. Что там каждый может жить счастливо. Но... папа поехал на работу в восточную часть континента... и сколько бы ни прошло времени, он не возвращался. Тем не менее, мама всё равно верила, что он когда-нибудь вернётся... А я больше не верил. Потому что отец сказал, что на востоке находится «страна мечты»... Вот почему... мне казалось, что он уехал туда один... и уже счастливо живёт там, не собираясь возвращаться. Я так думал... Думал, что он нас бросил.

Это...

— Но я ошибался... Знаешь, я думал, что когда встречу с отцом... обязательно побью его. До самого конца я не мог в него поверить. Я был так близко... но не мог его найти. Ужасный сын, да?

Я сглотнул. Мне кое-как удалось сдержать дрожь в руках, которыми я гладил золотистую голову.

— Прости...

Альфред хмыкнул будто бы озадаченно.

— Да почему ты опять извиняешься?

— Это...

Потому что это моя вина. Я молчал, зная, что потом тебе будет больно. Это я ужасен.

— Потому что... я солгал тебе...

Блондин медленно поднял голову.

— Лиан?..

— Я лжец...

Я посмотрел на парня, изобразив на лице лицемерную лживую улыбку. Да кто такого меня вообще будет любить? Всё-таки пока было ему открыть глаза. Это... и самому Альфреду будет полезно. Думаю, всё-таки... рядом с тобой будет лучше смотреться та добросердечная девушка, одетая в те же цвета, что и ты. С нежной улыбкой и чистым сердцем, которая всегда будет заботиться о тебе... «святая дева». К тому же изначально я исполнял роль персонажа, которого ты должен был ненавидеть. Так будет лучше. Мы просто вернёмся к оригиналу... истинному развитию событий истории. Вот и всё.

Хоть... именно этого я и не мог сделать до сих пор. Рядом с тобой было слишком тепло. Комфортно. Я постоянно думал, что побуду рядом ещё немного, ещё чуть-чуть. И всё зашло так далеко.

Однако, думаю, наконец, пришло время. Я знал это. Был готов к тому, что однажды это произойдёт. Ну невозможно оставаться с человеком, продолжая лгать и обманывать его. Такой эгоизм и жестокость были непростительны.

О чём я только мечтал?.. Такой идиот. На самом деле.

Я отпустил Альфреда и отступил на шаг.

— Эй, Альфред. А если бы... я знал, что твой отец находился там? Что бы ты сделал?

— Что?..

Ясные голубые глаза парня сузились, и он уставился на меня. Словно пытаюсь заглянуть

внутри. Я изобразил улыбку Лиана, выражавшую насмешку над собеседником, и ответил:

— Ну, что бы ты ни сделал, это не имеет для меня значения. Мне совершенно плевать. Для меня не было никакой выгоды рассказывать. И я не был обязан это делать. Я знаю многое... многое, но даже если ты или другие будете страдать у меня на глазах... или горевать, я ничего не расскажу. Потому что это бессмысленно. К тому же... Мне на вас... на тебя, на самом деле... плевать. Если у меня всё в порядке, больше меня ничего не волнует.

Пока я холодно и высокомерно говорил, изображая Лиана, глаза Альфреда только сильнее сузились. Наверное, он разозлился. Нет, он точно был зол. Учитывая то, что ему только что сказали. Кто угодно бы разозлился. Невозможно не разозлиться. Но... Это хорошо. Теперь мы с тобой... вернулись к исходным отношениям между Лианом и Альфредом.

— Тебе плевать?..

— Ага. Именно. Мне на вас плевать.

Блондин молча уставился на меня. Продолжая сверлить взглядом.

— Ты правда так думаешь?..

— Ага, думаю.

Парень замолчал, сузив глаза и нахмурив брови. Некоторое время он пристально смотрел на меня... и, не знаю почему, удивленно вздохнул. Почему бы?

— Тогда... Почему у тебя... даже сейчас такое лицо, будто ты вот-вот заплачешь?

— Гх?!

Я быстро опустил голову, чтобы лица не было видно, и торопливо вытер глаза. Пальцы и манжеты оказались мокрыми. Серьёзно? Но почему? Эта лживая улыбка должна была быть идеальной. И всё же. Не знаю почему, но у меня так слезились глаза, что я не мог вытереть влагу. Это раздражало.

— Ч-что ты несёшь. Не собираюсь я плакать. Это твоя вина.

Манжеты уже намокли, но я всё ещё по какой-то причине не мог утереть слёзы, и поднять лицо тоже не мог. А-а-а, блин. Возьми себя в руки. Пожалуйста, тело, слушайся своего хозяина. Альфред, смотревший на меня, громко вздохнул.

— Ну конечно... Лжец...

— Угх... ваа!

Меня схватили за руку и с силой потянули. Не успел я оглянуться, как надо мной уже был потолок и его лицо. Похоже, меня бросили на кровать. Краем глаза я отметил, что он поднял вторую руку. Наверное, собирался меня ударить. Хотя я так думал... я не двигался. Вполне естественно злиться после такого. Я и сам понимал, что наговорил ужасных вещей. К тому же... Я обещал тебе не лгать. А сам... всё время врал и обманывал. Такой эгоистичный, жестокий и лживый человек... заслуживал, чтобы его побили.

<http://bllate.org/book/12848/1132186>